

Исходя из утверждения, что необходимость воздействия на мир с помощью языка требует существования развернутой системы номинативных средств и соответствующих законов, по которым эти средства комбинируются в процессе построения текстов, осмелимся предположить, что в процессе создания текста перевода особую роль сыграют разработанные функциональной лингвистикой положения относительно сферы номинации (область «функциональной семантики») и сферы регуляции (теория текста).

Возможность перевода в данном случае объясняется существованием, если можно так сказать, всеобщей (характерной для всех существующих языковых коллективов) языковой картины мира, наличием универсального набора семантем (семантема – единица системы номинации; языковое понятие [10]), имеющих место в картине мира каждого языкового коллектива. Различия наблюдаются в актуальности/неактуальности данной семантемы для определенного коллектива, в существовании развернутой/неразвернутой системы вариантов реализации семантемы, в знаковых единицах (словах и словосочетаниях), репрезентирующих данное понятие.

Для выражения семантемы в разных языках используются разные языковые средства, разный набор вариантов. Один из основных вопросов сводится к тому, чтобы определить, какие средства в языке перевода будут воздействовать на те же когнитивные структуры, что и средства, используемые в оригинале, то есть найти *межъязыковые варианты семантемы*. Это отнюдь не означает, что вариант, используемый в оригинале, и вариант, выбранный в переводе, будут тождественны по ценности. Иными словами, вариант, используемый в оригинале, может, допустим, формировать ядерную зону реализации семантемы своего языка, а вариант, употребляемый в переводе, формировать периферийную зону. Воздействие же, осуществляемое обоими вариантами, при этом может быть аналогичным.

Таким образом, семантема определяется нами как минимальная единица перевода.

Само же воздействие, как нами уже было отмечено, осуществляется посредством организованной особым способом речевой системы конкретного текста. В поэтическом тексте истинный смысл скрыт от читателя и доступен лишь при особом его (текста) прочтении, что определяет одну из основных сложностей, возникающих перед переводчиком – правильное определение и, следовательно, передача в переводном тексте этого, скрытого от поверхностного чтения смысла. Регулятивное видение текста: выделение в его (тексте оригинала) структуре двух подсистем – воздействующей части и «средства доставки» [см. 11; 12] этой части к объекту воздействия есть первый шаг к осуществлению адекватного перевода. Так как от умения переводчика «увидеть» в исходном тексте эти «части» и найти в языке перевода *свои* средства для их выражения зависит «успешность» переводного текста, его функциональность.

Итак, нами была предпринята попытка приблизиться к сущности перевода: трактовать данное явление с позиции лингвистического функционализма. Дальнейшая работа в этом направлении позволит не только предположить, но и теоретически обосновать возможность построения в «новой» – функциональной – теории перевода, увидеть, какой данная наука может быть. На основе этой теории оказывается возможным сформулировать некоторые нормативные рекомендации, принципы, методы и приемы перевода, следуя которым переводчик может более успешно решать стоящие перед ним задачи.

Имеет значение и то, что в данном случае предпринимается попытка разрешить проблему, поднятую еще в XIX столетии Гумбольдтом и Шлейермахером: «Должен ли перевод подводить читателя к пониманию лингвистического и культурного универсума оригинального текста, или же его задача – так преобразовать оригинальный текст, чтобы сделать его доступным читателю, принадлежащему к языку и культуре назначения?» [15, с. 204]. Думается, что все-таки задача перевода – если не «преобразовать» текст оригинала, то создать на его основе такой, который был бы его функциональным вариантом в позиции, которую можно именовать «иная лингвокультурная ситуация».

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Дорощев Ю. В. Функциональный анализ художественного текста. – Симферополь: ТЭИ, 2004.
3. Иржи Левый. Состояние теоретической мысли в области перевода. «Мастерство перевода». – М.: Сов. писатель, 1970.
4. Казакова Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты). – СПб.: Издательство Союз, 2000. – 296 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: ВШ, 1990. – 251 с.
6. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. – М.: ЧеРо, 1999. – 137 с.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2000. – 188 с.
8. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. – М., 1976.
9. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202-228.
10. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
11. Рудяков А. Н. За словом ли «лезет в карман говорящий», или о функциональном определении текста // X Международная конференция по функциональной лингвистике. – Ялта, 2004. – С. 305-307.
12. Рудяков А. Н. О знаковых «орудиях труда» // XII Международная конференция по функциональной лингвистике. – Ялта, 2005. – С. 294-295.
13. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М., 1988. – 211 с.
14. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16-24.
15. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.

Мартынюк А. П.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ СМЕХОВОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНЕКДОТЕ

Несмотря на непрекращающийся интерес к комическому со стороны как лингвистов, так и философов, логиков, психологов, литературоведов, когнитивный механизм создания комического все еще дискутируется. Среди когнитивных теорий юмора следует упомянуть теорию бисоциации А. Кестлера [4], фреймовую теорию М. Минского [2], теорию скриптов В. Раскина [6] и базирующуюся на ней формальную теорию С. Аттардо [3], а также теорию антиципации П. МакГи [5].

С точки зрения А. Кестлера, смеховой эффект есть результатом психических процессов, названных бисоциацией. Бисоциация определяется как восприятие ситуации в двух несовместимых системах координат,

называемых ассоциативными контекстами. Комическое возникает в результате резкого переключения с одного ассоциативного контекста на другой. Необходимым условием комического является так называемый бисоциативный шок, т. е. неожиданность, порождающая сброс эмоциональной энергии, в результате которой рождается смех.

М. Минский объясняет комическое в терминах фреймовой теории. Он пишет: «общим для всех видов юмора является неожиданная смена фреймов: сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно – для чего достаточно одного-единственного слова – предстает в совершенно ином ракурсе» [2, с. 293-294].

Согласно теории скриптов В. Раскина, текст, содержащий шутку, ориентирован на два разных скрипта, противопоставленных друг другу по принципу оппозиции как реальное :: нереальное, ожидаемое :: неожиданное, возможное :: невозможное. Переключение с одного скрипта на другой создает комический эффект.

Формальная теория С. Аттардо, которая во многом опирается на идеи генеративной грамматики Н. Холмского, стремится объяснить юмористическую компетенцию говорящего и разрабатывает модель порождения и восприятия комического по элементам скриптовых оппозиций. Скрипт тут понимается как отрезок семантической информации, содержащий знания говорящего об определенном фрагменте окружающего мира и регулирующий лингвистическую и экстралингвистическую компетенцию индивида.

И, наконец, теория антиципации П. МакГи связывает комический эффект с нарушением логики изложения событий с точки зрения адресата, который всегда способен предсказать логику мышления адресанта, опираясь на общую когнитивную базу. Главным условием восприятия этого нарушения как комического является игровая рамка, т. е. коммуникативные сигналы, которые настраивают адресата на юмористическую тональность. Вслед за начальной стадией восприятия комического, когда адресат осознает разницу между тем, что он слышит или видит, и своими индивидуальными ожиданиями, он втягивается во вторую фазу – снятия или примирения противоречий.

Не сложно заметить, что все эти теории опираются в своей аргументации на когнитивные структуры представления знаний в человеческой памяти. Хотя эти структуры и имеют разные названия (ассоциативные контексты, фреймы, скрипты или же антиципации), по своей сути все они представляют собой вероятностное знание о стереотипных ситуациях и предполагают наличие связанных с этим знанием ожиданий относительно возможного развития ситуаций, представленных в анекдотах. Как известно, стереотипная информация всегда типизирована, минимизирована и подогнана под уже сформированные категории и закономерности, которые отражают опыт индивида. Поэтому она всегда предсказуема. Развертывание ситуаций по сценарию, который вписывается в стереотип, не требует включения сознания. Предсказуемая информация воспринимается автоматически, на подсознательном уровне. Несоответствие стереотипу, наоборот, включает сознание и заставляет индивида реагировать на происходящее. Игровая рамка анекдота, которая предполагает настрой коммуникантов на юмористическую тональность общения, ориентирует адресанта на смеховую реакцию на подобное несоответствие.

Предсказуемая информация воспринимается автоматически, поскольку она полностью соответствует норме. Другими словами, не выходит за «границ, в которых явления, природные и социальные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» [1, с. 579].

По всей видимости, понятие нормы есть ключевым для понимания когнитивной природы комического. Результаты анализа 5000 англоязычных анекдотов позволяют утверждать, что их смеховой эффект есть результатом нарушения языковых, речевых, логических, этологических или онтологических норм.

Так, смеховой эффект следующего анекдота есть результатом нарушения **языковых норм**, а именно, орфоэпических и, соответственно, орфографических: *Two newlyweds went on a honeymoon and were getting undressed together for the first time. He took off his shoes and socks and his toes were all twisted and discoloured, «What happened to your feet?» his wife asked. «I had a **tolio**». «Don't you mean **polio**?» «No, **tolio**, it only affects the toes». He then removed his pants and revealed an awful looking pair of knees. «What happened to your knees?» she asked. «Well, I also had **kneesles**.» «Don't you mean **measles**?» «No, **kneesles**. It only affects knees». When he removed his shorts his wife gasped and said, «Don't tell me you also had **smallcox**!».*

На нарушении **речевых норм** базируется смеховой эффект анекдотов, которые содержат стилистические приемы, связанные с отклонением от нормативной структуры текста. Одним из наиболее распространенных является повтор: *The man tells his doctor that his wife hasn't wanted to have sex with him for the past 7 months. The physician tells the man to bring his wife so he can talk to her. When the wife comes to the office, the doctor asks her why doesn't she want to have sex with her husband any more. «For the last 7 months,» the wife replies, «every morning I take a cab to work. I don't make much money and my husband doesn't give me more than bus fare, so the cab driver always asks me, 'So are you going to pay today **or what**'. I always give him an '**or what**'. That makes me late to work. I'm late, so the boss asks me, 'So are we going to dock your salary, **or what**?' That's another '**or what**.' On the way home, I take the cab and again I don't have any money so the cab driver asks me, 'So are you going to pay this time **or what**?' And again, I do an **or what**'. So you see, Doctor, when I get home I'm all tired out and I don't want sex any more.» The doctor thinks for a second. «So,» he says, «are we going to tell your husband **or what**?».*

Нарушение как **речевых**, так и **логических норм** лежит в основе зевгмы («*Last week a grain of sand got into my wife's eye, and she had to go to a doctor. It cost me three dollars.*») «*That's nothing. Last week a fur coat got into my wife's eye and it cost me three hundred*»), а также каламбура, который в свою очередь опирается на полисемию (Diana: *Is the man your sister's going to marry rich? Dick: Not much. Every time Mother talks about wedding Father says, 'Poor man!*'), омонимию (A policeman spots a woman driving and knitting at the same time. Driving beside her, he shouts out of the window... «**Pull over!**» «No,» she shouts back, «a pair of socks.»), паронوماзию («*What did the girl think when she met her blind dale?*») «*Well, I've really **hit the jекk-pot** this time!*»). Смеховой эффект этих анекдотов базируется одновременно на нарушении логического закона тождества понятия и суждения самому себе и на

нарушении смыслового тождества языкового знака, который может реализовать только одно значение в рамках минимального контекста.

Кроме того, отклонение от речевых и логических норм лежит в основе парадокса (*Most men can point north, even if they have no idea where they are*) и оксиморона («*What's a blonde's greatest fear?*» «*Waking up asleep*»). Смеховой эффект таких анекдотов есть результатом нарушения логического закона противоречия, согласно с которым не могут быть одновременно истинными определенное суждение и его отрицание. Семантически несовместимыми есть и языковые знаки, которые обозначают такие отношения. Так, обстоятельство условия действия *even if they have no idea where they are* не может характеризовать действие *point north*, так же как и *asleep* не может функционировать в качестве обстоятельства способа действия *wake up*.

Еще одним типом отклонения от речевых и логических норм выступает нарушение ситуативной связности текста, результатом которого есть наличие двух референтов одного денотата: прогнозируемого и непрогнозируемого, неожиданного (*Mildred came back from her annual check up with her doctor in an unusually good mood, and her husband asked her what had made her day. Mildred said, «The doctor told me that I have the breasts of an eighteen year old.» To which her husband responded, «What did he say about your forty-six year old ass?» Milly reported, «He didn't say a word about you»).*

Нарушение логических норм обеспечивает смеховой эффект анекдотов, которые описывают события и отношения, противоречащие законам логики. Одним из таких примеров есть нарушение причинно-следственных связей (*A bloke was trying to decide which of three women he would ask to marry him. He gave them each 1000 pounds. The first spent 900 pounds on clothes, and put 100 pounds in the bank. The second spent 500 pounds on clothes and put 500 pounds in the bank. The third spent 100 pounds on clothes and put 900 pounds in the bank. Which of them did he choose? The one with the big breasts*).

Нарушение этологических норм лежит в основе смехового эффекта анекдотов, поведение персонажей которых противоречит утилитарным нормам (*Two friends meet, and one asks: «Hey, Nick, where did you get your nice tie?» «At Valentino store. Cost me \$2000.» «Phew,» the other one says with contempt, «I know a place where you can get exactly same tie for \$5000»);* или же морально-этическим нормам (*A man sat down on a park bench. He noticed another man sitting with him and he looked depressed so he asked the man: «Why? What's the matter?» «I've lost three wives in the past year.» «That's terrible. How did it happen?» «Well, you see, I live in an area where I grow most of my own food. And sometimes we eat wild mushrooms. My first two wives died by eating poisonous mushrooms.» «You poor man! How did your third wife die?» «Her skull was cracked open.» «Oh my god! What happened?» «She wouldn't eat her vegetables.»).*

Отдельное место занимают анекдоты, смеховой эффект которых кроется в нарушении норм речевого взаимодействия, другими словами лингвоэтологических норм, в частности, принципа вежливости (*A bloke goes into a supermarket and buys a tube of toothpaste, a bottle of Pepsi, a bag of tortilla chips, and a frozen pizza. The cute girl at the register looks at him and says, «Single, huh?» Sarcastically the Moke sneers, «How did you guess?» She replies, «Because you're ugly»)* или принципа кооперации, например, максимы качества информации: не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований (*Two elderly couples were enjoying friendly conversation when one of the men asked the other, «Fred, how was the memory clinic you went to last month?» «Outstanding,» Fred replied. «They taught us all the latest psychological techniques – visualization, association – it made a huge difference for me.» «That's great! What was the name of the clinic?» Fred went blank. He thought and thought, but couldn't remember. Then a smile broke across his face and he asked, «What do you call that flower with the long stem and thorns?» «You mean a rose,» «Yes, that's it!» He turned to his wife ... «Rose, what was the name of that clinic?»).*

Нарушение онтологических норм создаст смеховой эффект анекдотов, которые описывают абсурдные, нереальные или фантастические объекты/события, противоречащие общечеловеческим или культурно специфическим представлениям о фактах/закономерностях реального бытия, в том числе и исторических (*Two factory workers are talking. The woman says, «I can make the boss give me the day off.» The man replies, «And how would you do that?» The woman says, «Just wait and see.» She then hangs upside-down from the ceiling. The boss comes in and says, «What are you doing?» The woman replies, «I'm a light bulb.» The boss then says, «You've been working so much that you've gone crazy. I think you need to take the day off.» The man starts to follow her and the boss says, «Where are you going?» The man says, «I'm going home, too. I can't work in the dark.»).*

Предлагаемый подход позволяет объяснить как логико-понятийный, так и чисто языковой юмор. Представляется, что он есть достаточно продуктивным и в перспективе его можно использовать для анализа разных жанров юмористического дискурса.

Источники и литература

1. Кемеров В. Е. Норма // Современный философский словарь. – Лондон, Франкфурт-па-Майне, Люксембург, Москва, Минск, 1998.
2. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281-309.
3. Attardo S. Linguistic theories of humour. – Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 1994. – 386 p.
4. Kocstler A. The act of creation. – N.Y.: The Macmillan Company, 1964. – 751 p.
5. McGhee PH. On the cognitive origins of incongruity humour: fantasy assimilation versus reality assimilation // The psychology of humour. – L.-N.Y.: Academic Press, 1972. – P. 61-80.
6. Raskin V. Semantic mechanisms of humour. – Dordrecht-Boston-Lancaster: D. Reidel, 1985. – 284 p.